

Евгений Карнович

Князь Иероним Радзивилл, великий хорунжий Литовский

*Часть сборника
Очерки и рассказы из
старинного быта Польши*

Евгений Петрович Карнович

**Князь Иероним Радзивилл,
великий хорунжий Литовский**
(Очерки и рассказы из старинного быта
Польши)

«Много разных забавно-грустных преданий сохранилось о князе Иерониме в окрестностях Бялы; но все они носят отпечаток ограниченного ума, соединённого с жестокостью сердца.

Внешность князя была вовсе непривлекательна. Он был высок, одутловат и совершенно лыс; острые черты лица и какое-то дикое выражение глаз придавали физиономии его что-то отталкивающее. Он никогда не смеялся, но был всегда суров и пасмурен и в добавок ко всему этому ужасно заикался...»

**Евгений Петрович Карнович
Князь Иероним Радзивилл,
великий хорунжий Литовский**

Если вам случится побывать в Вильне, то поезжайте посмотреть Верки, некогда имение князей Радзивиллов, отстоящее от города верстах в семи. Проехав около версты по открытому пространству, только вдалеке окаймлённому с правой стороны Антокольскими холмами, вы минуете Кальварию и Трипополь и потом, излучистым берегом Вилии, будете приближаться к Веркам. В некотором от них расстоянии начнётся шоссе, ведущее в гору, на которой они расположены. Вся эта гора покрыта густою зеленью, а среди зелени мелькают каменные строения. Вид с горы очаровательный: пред вами широкая равнина, по которой голубою лентою извивается Вилия, за нею пашни, холмы и леса, влево Вильно с его красивыми и многочисленными костёлами.

Но лет шестьсот назад все нынешние окрестности Вильны были покрыты дремучими лесами, и в них князья литовские любили забавляться охотою; в них жили также жрецы литовского бога Перкунаса. Однажды главный из жрецов Криве-Кривейте, прогуливаясь по лесу, встретил молодую литвинку,

пленился её красотой, и она скоро сделалась от него матерью. Криве-Кривейте был в страшных хлопотах, наконец, после долгих размышлений, он придумал средство не только скрыть свою грешную любовь, но и сделать счастливым своего новорождённого сына.

В это время приехал из Трок тогдашний князь литовский поохотиться в тех лесах, где жил Криве-Кривейте. Последний воспользовался этим случаем: уложив своего младенца в колыбельку, украшенную цветами и разными блестящими побрякушками, он повесил её на вершине горы среди ветвей густого дерева, зная, что князь, гоняясь за дикими волами (туры) и буйволами, непременно побывает в этом месте. Действительно, вскоре по лесам, до того времени безмолвным, раздались звуки рогов, рёв и крики, и кунигас [1] литовский, с копьём в одной руке и с рогатиной в другой, впереди всех охотников спешит в чащу леса; но он обманулся в удаче своей охоты, потому что Криве-Кривейте давно уже отогнал отсюда и туров, и буйволов, и вместо их рёва князь услышал плач младенца.

Князь поспешил туда, где слышался плач, и с изумлением увидел что-то блестящее в ветвях дерева. По знаку его охотники поспешили взлезть на дерево, достали висевшую на нём колыбель и поставили её у ног кунига-са. Увидевши младенца, князь изумился и считая это чудом велел позвать Криве-Кривейте, чтобы он истолковал ему этот случай и объявил волю богов. Долго в таинственном молчании стоял Криве-Кривейте, как бы совещаюсь с богами, и наконец сказал: "Государь! ты любимец богов, ты призван ими, чтобы осчастливить Литву. Боги заблаговременно послали тебе этого ребёнка, чтобы в нём приготовить мне преемника, потому что я скоро расстанусь с этим светом. Воспитывай его с любовью, и он будет посредником между тобою и богами!" Обрадованный князь счёл всего приличнее отдать найденного им младенца на воспитание самому Криве-Кривейте, а на память плача, то место, где был найден младенец, назвал – Werkt, что значит по-литовски "плач", и отсюда, по народному преданию, получили своё название Верки. Найденный был назван "Лиздейко"; он был впослед-

ствии преемником своего отца и сделался родоначальником Радзивиллов, Нарбутов и других дворянских литовских фамилий. Лиздейко умер в 1350 году, 70 лет от роду.

Внук его стал называться Радзивиллом; он вместе с королём Ягеллом принял в 1386 году св. крещение в Кракове и наречён был Николаем. Значение потомков его всё более и более увеличивалось в великом княжестве литовском, и они сделались первыми в нём вельможами со времени брака польского короля и великого князя Сигизмунда II Августа с Барбарою Радзивилл. Родственники её, щедро одарённые королём и получившие в 1518 и 1547 годах княжеское достоинство Римской Империи, постоянно занимали в Литве первые должности и славились своими несметными богатствами. К родовой своей славе многие Радзивиллы присоединяли и личные свои заслуги; но некоторые из них отличались только разными странностями и причудами и были представителями своеволия польских магнатов.

В этой статье мы расскажем о князе Иерониме Радзивилле, великом хорунжем литов-

ском. Он был одним из тех своеобразных характеров, которые могло породить только гражданское положение Польши в последние два века её самобытного существования. Только в народе, привыкшем к своеволию панов и удивлявшемся, как необыкновенному событию, если миролюбиво оканчивался шляхетский сеймик, только в таком народе, среди которого не было над дворянством строгой власти, могли явиться личности, подобные Радзивиллу.

Князь Иероним Радзивилл жил в первой половине XVIII века, когда власть королевская совершенно ослабела, поэтому Радзивилл вовсе не думал исполнять никаких повелений короля и распоряжений Речи Посполитой, считая себя как бы независимым владельцем и только союзником своего соседа, великого князя литовского, жившего в Варшаве.

Действительно, Радзивилл мог быть вполне независимым от короля, и трудно было заставить его повиноваться силою. Владея огромными имениями и миллионами, он приобрёл себе множество приверженцев в

окольном мелком шляхетстве, посредством отдачи своих поместий во временное владение своим соседям. В это время, по замечанию одного польского писателя, польские паны занимались следующим: один из них проказничал и наездничал по большим дорогам, или делал набеги на гайдамаков, другой хватал на распутьях незнакомых, привозил к себе и пьянствовал с ними, третий или молился по костёлам, или справлял жидовские "борухи", четвёртый писал книжки или сочинял стихи, пятый искал рассеяния за границей до тех пор, покуда какие-нибудь обстоятельства не призывали его на позабытую им родину. Но князь хорунжий не был ни учён, ни храбр, ни набожен, не любил путешествий, не искал почестей и отличий, и потому сам не знал что ему делать. От скуки он сделался мрачным, своенравным и жестоким в обращении с людьми, ему подвластными. Со всеми обходился он сурово и старался проникнуть каждого благоговением к своей особе. Малейшее оскорбление своей чести он наказывал жестоко, и поэтому подвалы Бяльского замка, в котором жил князь, со времени его сделались

страшными в народных рассказах.

Чтобы показать, до какой степени доходило могущество Радзивилла, скажем, что он имел 6000 регулярного войска, устроенного по образцу прусского, и до 6000 казаков и надворных стрельцов, живших по разным местам в качестве княжеского гарнизона. Войско его состояло из пехоты и конницы; в нём находились генералы, полковники и майоры, а что чины были нешуточные, это лучше всего доказывается тем, что комендант в г. Слуцке, принадлежавшем в то время Радзивиллу, им назначаемый, считался в чине генералов коронных войск литовских.

Родной брат Иеронима был в то время великим гетманом, следовательно главным начальником Иеронима, и вдобавок был старшим его братом, и хотя, по старинным польским обычаям, старший брат заступал место отца в осиротелом семействе, но гетман напротив был в полном послушании своего младшего брата. Содержа своё собственное войско, князь Иероним не хотел ни посылать его, по воле короля или сейма, ни платить с имений своих воинской повинности. Правда,

потребовали за это его в воинскую комиссию, но он и не думал туда являться; приговоры сыпались на него градом из судебных мест, но никто однако не решался приводить их в исполнение. Напрасно гетман просил и умолял брата не оскорблять так дерзко чести короля; Радзивилл не хотел ничего слышать и наконец, после долгих переговоров, сказал: "Если королю нужно будет войско, то я, так уже и быть, дам ему своё, но платить податей ни за что не стану".

Скупость была отличительною чертою в характере князя Иеронима, и этим он отличался от прочих Радзивиллов, слывших и в Литве, и в короне [2] за самых щедрых магнатов. Он очень рад был, когда по определению суда отдали родственника его литовского кравчего князя Радзивилла, ему в опеку, потому что в этом случае он мог распоряжаться в его имениях, как ему было угодно, и огромные с них доходы обращать в собственную свою пользу; самого же кравчего содержал он в своём слуцком замке под строгим надзором и в ужасной нищете.

Если князь Иероним так недобросовестно

обходился с своим родственником, носившим имя Радзивилла и имевшим сильную родню, то можно представить что должны были терпеть от самовольства Радзивилла и бедная шляхта, и его холопы. При своей подозрительности, он всех почитал своими врагами и с удовольствием издевался над теми, кто попался, по приказанию его, за самую малость в его княжеские тюрьмы: он любил прислушиваться к стонам содержащихся там и, как говорит предание, называл бяльских узников своими лучшими певцами. Не признавая над собой ни чьей власти, он считал пустяками повесить подвластного себе человека, единственно по своей только прихоти, без всякой вины.

Вот один подобный случай: однажды князь в глубоком раздумье сидел у окна своего замка и посматривал на широкий его двор. В это время один из его служителей ходил у ворот, как бы поджидая кого-нибудь. Видя это, князь вышел из замка и пошёл прямо к воротам. "Что ты здесь делаешь?" – спросил он ходившего. Этот, думая угодить князю, отвечал: "Будучи всегда готов к услугам вашей

княжеской милости, я хотел быть всегда у вас на глазах". Рассерженный, неизвестно почему, таким ответом, Радзивилл закричал слугам: "Ну так повесить его!" и обратившись к несчастному, сказал ему ободрительным голосом: "Я исполнил твоё желание... ты будешь у меня теперь на глазах!" Приказание князя было исполнено немедленно.

Он также наказывал смертью своих служителей за пьянство, но зато и сам, против обыкновения, существовавшего тогда и в высшем польском обществе, никогда не напивался допьяна. Раз, впрочем, ближайший его наперсник ксёндз Риокур испортил князя в своей плебании; это был день именин ксёндза, и ему было дано позволение делать всё что угодно, поэтому он воспользовался таким случаем и порядком напоил своего ясновельможного прихожанина, стараясь этим, вместо проповеди, вселить князю снисхождение к подвластным ему лицам, с которыми могло быть тоже самое, и это был единственный случай во всей жизни, когда Радзивилл выпил через меру. Возвратившись с именин, он с трудом взбирался по лестнице своего замка,

а один из княжеских стражей, видевший его в таком виде и полагая, что хмельной князь не расслышит, громко сказал своему товарищу: "Посмотри, как он нарезался... а если бы это сделал кто-нибудь из нас, то наверно бы уж он повесил!" Князь услышал эти слова и закричал задыхаясь от злости: "Позвать ко мне этого стража!" Посланный побежал и дрожа от страха передал виновному приказание князя. Тот принуждён был идти наверх. "А что ты там сказал?" – спросил князь. "Я сказал правду, – отвечал страж, – я сказал, что никогда не видел пьяным вашу княжескую милость, и сегодня вы напились, как... а если бы это сделал бедный человек..." "Ты умно рассуждаешь, и я назначаю тебя сержантом!" – сказал князь. Это был единственный случай и пьянства, и великодушия Радзивилла; но с вероятностью можно заключить, что он вообще был бы лучше, если бы самовластие его встречало иногда отпор, а не одно безмолвное раболепство.

Иногда занятия князя Иеронима принимали шуточный вид. Верстах в двух от Бялы, главного его местопребывания, находилась

деревня Словатинск. Князь устроил здесь замок и назвал его столицею короля словатинского, определил границы нового государства и поставил туда королём одного из своих чиншовых [3] шляхтичей. Потом князь стал нарочно придирается к новому государю, которому он предоставил сам же неограниченную власть, стал вести с ним дипломатическую переписку и повёл её так вежливо и умеренно, что дело кончилось разрывом между королём и основателем государства. Началась война не на шутку; князь стал собирать войско, вооружать и обучать его, готовить артиллерию и потом, приняв главное начальство, двинулся, на Словатинск. Конечно, перевес был на стороне князя, хотя правду сказать, и с той, и с другой стороны было довольно поломано рук и ног, и разбито голов. Войска княжеские всё сильнее и сильнее стесняли войска королевские, и наконец король принуждён был укрыться в замке. Князь осадил его и приступом взял укрепления; король сделался пленником и назначен служить украшением княжеского триумфа, а королевство Словатинское присоединено к владениям Радзи-

вилла. С торжеством возвратился князь в свой замок, пушки гремели в честь его победы, и льстецы велеречиво поздравляли его с нею. Но дело этим не кончилось: над пленным королём назначен суд, и он, как оскорбитель княжеской чести, приговорён к смерти; но князь однако смягчил приговор суда и впоследствии возвратил шляхтичу и сан, и владения, но для того только чтобы повторить прежнюю комедию, которая вероятно, если бы продлилась жизнь князя Иеронима, кончилась бы тем, что король словатинский, подобно многим, имевшим дело с Радзивиллом, очутился бы на виселице.

Много разных забавно-грустных преданий сохранилось о князе Иерониме в окрестностях Бялы; но все они носят отпечаток ограниченного ума, соединённого с жестокостью сердца.

Внешность князя была вовсе непривлекательна. Он был высок, одутловат и совершенно лыс; острые черты лица и какое-то дикое выражение глаз придавали физиономии его что-то отталкивающее. Он никогда не смеялся, но был всегда суров и пасмурен и в доба-

ВОК КО ВСЕМУ ЭТОМУ УЖАСНО ЗАИКАЛСЯ.

Примечания

КНЯЗЬ

[^^^]

т.е. в Польше.

[^^^]

3

Чинш – поместье, отданное в оброчное содержание.

[^^^]